

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТА ОБМАНУТОГО ОЖИДАНИЯ КАК РЕГУЛЯТИВНОЙ ДОМИНАНТЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Рассматриваются эвристические возможности использования метода эксперимента в лингвистике, основанного на показаниях языкового сознания информантов. На примере проведенного автором на материале стихотворения М. И. Цветаевой «Жив и здоров!» лингвистического эксперимента с участием более 60 информантов разного возраста и рода занятий наглядно демонстрируется потенциал данного метода в изучении эффекта обманутого ожидания как регулятивной доминанты стихотворения, значимой для познавательной деятельности читателей. Последовательно описаны этапы, из которых состоял лингвистический эксперимент, приведены и проанализированы данные, полученные в виде ответов информантов на поставленные вопросы и предложенные задания, иллюстрирующие регулятивные возможности обманутого ожидания как основного типа выживания в общем смысловом развертывании исследуемого поэтического текста как формы коммуникации.

Ключевые слова: метод эксперимента, регулятивность текста, регулятивный потенциал, регулятивная доминанта, обманутое ожидание.

Метод эксперимента, занимающий одно из важных мест в современном научном знании, восходит к философии Ф. Бэкона, основоположника эмпиризма. Согласно его учению, «путем, ведущим к знанию, является наблюдение, анализ, сравнение и эксперимент» [1]. Метод эксперимента позволяет получить новое знание опытным путем от наблюдения к обобщению.

В лингвистике экспериментальный метод выступает доказательной базой тех или иных гипотез, предоставляя исследователю возможность подкрепить теорию практическим знанием. Например, С. М. Карпенко [2], А. В. Болотнов [3], А. А. Васильева [4], Н. С. Болотнова [5] и многие другие исследователи использовали метод эксперимента в качестве доказательства различных теорий в русле коммуникативной стилистики текста.

Основные цель, задачи и гипотеза проведенного эксперимента связаны с одним из направлений коммуникативной стилистики текста – с теорией регулятивности. В задачи теории регулятивности входит рассмотрение художественного текста как формы коммуникации, в которой отражается стилистический узор и идиостиль автора [6, с. 30]. Регулятивность как системное качество текста, связанное с организацией познавательной деятельности адресата, предполагает передачу информации и воздействие на читателя различными средствами, способами и приемами. Под способами регулятивности понимаются приемы организации текстовых микроструктур, регулирующих процесс восприятия на основе соотносительности с целью текста и спецификой связи с адресатом [6, с. 42]. Регулятивность, как правило, имеет «комплексный характер» (многоаспектное воздействие на читателя). В ряде случаев, как отмечает Н. С. Болотнова, можно говорить и о преобладании регулятивных средств одного типа – о доминанте регулятивности [7, с. 109].

К способам регулятивности, часто используемым в поэзии М. Цветаевой, относится эффект обманутого ожидания. С целью анализа его как способа регулятивности и выявления роли эффекта обманутого ожидания в познавательной деятельности читателя поэтического текста был проведен эксперимент на материале стихотворения «Жив и здоров!» из цикла М. Цветаевой «Благая весть».

14 июля 1921 г. М. Цветаева получила первое за долгое время молчания и разлуки письмо от своего мужа Сергея Эфрона. Именно это письмо послужило стимулом к написанию целого цикла стихотворений с говорящим названием «Благая весть». Данное словосочетание тесным образом связано с православной верой. В христианской тематике словосочетание «благая весть» встречается достаточно часто как «благовествование Божие» (благая весть Бога) (Рим. 15, 16) [8, с. 1242], «благовествование Христово» (благая весть о Христе) (Рим. 15, 19) [8, с. 1242], «Евангелие Царствия» (благая весть о Царствии) (Мат. 9:35) [8, с. 1022]. Само слово «Евангелие» переводится с древнегреческого языка как «благая весть». Также «благой вестью» называется весть, которую принес архангел Гавриил Деве Марии о том, что она зачнет и родит Сына Божия и наречется Ему имя Христос (отсюда и название праздника – Благовещение).

Очень важным для понимания общего смысла стихотворения является обращение к тексту Священного Писания, в котором говорится, что Христос умер и на третий день воскрес. Автор произведения «Жив и здоров!» проводит параллель с евангельским текстом. Это выражается в сравнении полученного известия о том, что муж жив (в то время как его считали погибшим), с воскресением Христа. Ключевым в стихотворении является восклицание лирической героини: «Мертв – и воскрес?!», отражающее небывалое удивление, страх

и радость, которая буквально ворвалась в ее жизнь «камнем с небес», «ломом», «шагаю в грудь».

В проведенном эксперименте на восприятие этого стихотворения приняли участие 62 человека (29 лиц женского пола и 35 мужского): студенты лечебного факультета Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск), студенты Томской духовной семинарии, студенты филологического факультета Томского государственного университета и факультета психологии, связи с общественностью, рекламы Томского государственного педагогического университета, а также лица с высшим и средним образованием от 25 до 65 лет.

Эксперимент был направлен на выявление совпадений (несовпадений) выделенных исследователем и информантами регулятивных средств, на определение роли эффекта обманутого ожидания в формировании и построении смысла стихотворения, его влиянии на познавательную деятельность читателя. Основная гипотеза заключалась в предположении, что информанты (читатели) почувствуют и отметят в тексте эффект неожиданности, который основан на принципе обманутого ожидания, что подтвердит его большой регулятивный потенциал.

Эксперимент состоял из нескольких этапов. На первом этапе проведения свободного ассоциативного эксперимента информантам было предложено записать ассоциации на слова-стимулы, в качестве которых были даны лексемы: «радость», «счастье», «ужас». Предлагалось дать определение соответствующим им понятиям. Основной задачей первого этапа было выявление ассоциативных полей слов, обобщение полученных данных о том, что информанты понимают под словами «радость», «счастье», «ужас».

На втором этапе была использована методика дополнения У. Тейлора, которая состоит «в преднамеренной деформации речевого сообщения и последующем его предъявлении испытуемым для восстановления» [9, с. 309]. Участникам эксперимента на данном этапе было предложено заполнить пропуски в контексте одним из названных ранее слов-стимулов «радость», «счастье», «ужас». Важным условием применения данной методики является дотекстовое восприятие информантов. Это было необходимо для сопоставления полученных мнений испытуемых с авторским оригиналом текста, что позволило проследить с точки зрения логики и смысла взаимодействие понятий «радость», «счастье», «ужас» с контекстом. Данное сопоставление потенциально дает исследователю возможность подтвердить или опровергнуть наличие в тексте эффекта обманутого ожидания.

На третьем этапе был использован метод семантического дифференциала, относящийся к методам шкалирования. Семантический дифференци-

ал – «это метод количественного (и одновременно качественного) индексирования значения слова с помощью двухполюсных шкал, на каждой из которых имеется градация с парой антонимических прилагательных» [9, с. 305]. В ходе эксперимента информантам предлагалось подобрать по шкале с градацией от –3 до +3 подходящий смысл для понятий «радость», «счастье», «ужас», который бы наиболее полно отражал степень соответствия определению, имеющим положительный характер: *хороший, активный, сильный, светлый, упорядоченный*; и определениям, имеющим отрицательный характер: *плохой, пассивный, слабый, темный, хаотичный*.

Применение методики шкалирования было необходимо для более глубокого анализа лексем «радость», «счастье», «ужас», определения их общности, различия и противоположности уже не по значению, а на основе рефлексии информантов.

Далее, на четвертом, пятом и шестом этапах, информантам предлагалось прочитать стихотворение М. Цветаевой «Жив и здоров!», выделить в нем ключевые слова, словосочетания, фразы; проанализировать текст с точки зрения его содержания и написать, о чем это стихотворение, какие эмоции оно вызывает. Затем информантам нужно было ответить на вопрос, есть ли, на их взгляд, что-нибудь необычное, неожиданное в данном произведении. Заключительные три этапа основывались на прочтении стихотворения и его осмыслении. Последний, шестой, этап был нацелен на подведение итогов, когда испытуемым предлагается определить, есть ли в данном стихотворении что-то необычное, странное или неожиданное.

Первые пять этапов эксперимента были нацелены на последовательное выявление наличия и действия эффекта обманутого ожидания. Шестой этап был ориентирован на итоговое заключение информантов о наличии или отсутствии несоответствия по смыслу понятий «радость», «счастье» и «ужас» и контекста в целом, что окончательно позволило бы подтвердить имеющийся в тексте эффект обманутого ожидания и его регулятивный потенциал.

Проанализировав ответы, представим мнение информантов о понятиях «радость», «счастье» и «ужас». Согласно точке зрения большинства опрошенных, «радость» – это эмоциональное состояние человека, отличающееся положительным зарядом («ощущение, когда можно свернуть горы»), но состояние это непостоянное, зависящее от тех или иных обстоятельств. «Радость» воспринимается как кратковременное явление, непосредственно связанное с каким-то приятным событием в жизни человека. «Счастье», в свою очередь, понимается информантами как радость «в глобальном

смысле»: «Счастье – это радость, вошедшая в привычку, с ожиданием продолжения в вечности». Помимо этого у многих людей определение данного понятия имело глубоко личностный характер: «когда у родных все замечательно», «когда все хорошо у всех», «полнота восприятия, довольство всем, что имеешь», «гармония с собой, окружающими и Богом». Под «ужасом» большинство информантов понимают губительное состояние человека, связанное с сильным страхом, ощущением безвыходности положения, надломом привычного мироощущения, что искажает картину мира в целом и лишает человека способности трезво смотреть на жизнь. Это то, «чего боится каждый», «наши страхи».

В результате применения метода семантического дифференциала на основе соответствующих подсчетов была выявлена «общественно закреплённая оценка явления» [3], в данном случае понятий «радости», «счастья», «ужаса». Результаты представлены в (по шкале оценки от +3 до –3).

Общественно закреплённая оценка явления

Характеристика (+)	«Радость»	«Счастье»	«Ужас»	Характеристика (–)
Хороший	+2,6	+2,9	–2,5	Плохой
Активный	+1,9	+2,2	–1,0	Пассивный
Сильный	+1,9	+2,0	+2,3	Слабый
Светлый	+2,2	+2,5	–2,9	Темный
Упорядоченный	+1,0	+2,2	–2,3	Хаотичный

Таким образом, «радость» и «счастье» характеризуются как понятия в высшей степени хорошие, активные («счастье» более активно), сильные, светлые и упорядоченные («радость» – в меньшей степени). «Ужас» представляется информантам как в высшей степени плохое, темное, сильное, хаотичное и пассивное (в низшей степени).

Как показали результаты свободного ассоциативного эксперимента, в ядерную часть ассоциативного поля слов-стимулов входят:

1. Ассоциации, связанные с родовым понятием «чувство» («радость» – любовь 7, счастье 3, восторг 2; «счастье» – любовь 14, радость 8, блаженство 2, нежность 2, гармония 2; «ужас» – страх 20, равнодушие 2).

2. Ассоциации, отражающие проявление чувства радости, счастья, ужаса («радость» – улыбка 15, смех 3; «счастье» – смех 2; «ужас» – крик 2).

3. Реакции, называющие источник появления чувства радости, счастья, ужаса («радость» – детство 3, дружба 2, дом 2, цветы 2; «счастье» – семья 5, солнце 3, дети 2, здоровье 2, жизнь 2; «ужас» – смерть 3, пауки 2, потеря 2).

4. Эмоционально-оценочные реакции («радость» – светлое 9, тепло 4; что-то хорошее 3, свет 3, светлая 2, яркая 2, солнечное 2; «счастье» – яркое 2; «ужас» – страшное 7, черное 5, тьма 3, мрак 3).

Особенно интересным здесь является то, что понятия «радость» и «счастье» в сознании информантов оказываются тесно связанными, смежными. Оба понятия информантами определяются как светлые, связанные с любовью, солнцем, домом, семьей и детьми. Понятие «ужаса», напротив, ассоциируется с тьмой, мраком и страхом.

Таким образом, не только сами понятия «радость» и «счастье» оказываются противопоставленными понятию «ужас», но и ассоциативные поля соответствующих слов-стимулов контрастируют друг с другом на шкале положительного и отрицательного, доброго и злого, приносящего радость, счастье и пугающего.

Следует отметить большое количество индивидуальных ассоциаций, не вошедших в ядерную часть ассоциативного поля слов. Ср., например, ассоциации к стимулу «радость»: *девушка, любимый, мороженое, чашка чая, прыгать, свечи, богослужение, Бог, о. Даниил Сысоев* и т. д.

Анализируя результаты второго этапа эксперимента, в ходе которого информантам предлагалось вставить пропущенные слова в контекст четверостиший стихотворения М. И. Цветаевой «Жив и здоров!», можно проследить эффект обманутого ожидания в действии. Его наличие в тексте также подтверждают ответы информантов на вопрос о том, что показалось в стихотворении необычным и неожиданным. Необычным большинство испытуемых сочли: «*применение своеобразных средств художественной выразительности*», «*странное влечение в положительные эмоции такого чувства, как ужас*», «*необычные метафоры*», «*неожиданное сравнение чувств счастья, радости с ужасом*», «*буря эмоций, которые противоречат друг другу*». Одно из наиболее интересных замечаний информантов: «*Как можно радоваться шпаге в груди?*»

Эффект обманутого ожидания проявляется в противоречии выражаемых чувств и использованных при этом сравнений в тексте. Так, в четвертом из предложенных информантам четверостиший «*Вздоху в обрез, / Камнем с небес, / Ломом / По голове, – / Нет, по эфес / Шпагою в грудь – / Радость!*» 37 из 62 информантов на месте пропущенной лексемы «радость» вставили слово «ужас». В других случаях результаты варьируются, как, например, во втором четверостишии: «*Нет, топором / Мало: быком / Под обухом / Счастья!*» – 32 из 62 информантов вставили на место пропущенного слова лексему «ужас», а 20 опрошенных – лексему

«счастье». Неоспоримым фактом является то, что эффект обманутого ожидания, формирующийся на контрасте чувства и использования связанного с ним сравнения, был замечен участниками эксперимента, что позволяет говорить об эффекте обманутого ожидания как об особом способе регулятивности в данном поэтическом тексте.

Выбранные в качестве ключевых слова и фразы в стихотворении («Шпагою в грудь – / Радость!» – 30 ответов, «Мертв – и воскрес?!» – 25, «ужас» – 22, «счастье» – 20, «радость» – 18 и т. д.) также являются подтверждением гипотезы о том, что эффект обманутого ожидания, основанный в данном случае на контрасте, обладает большим регулятивным потенциалом и выступает регулятивной доминантой в данном стихотворении.

Очень интересны мнения информантов об эстетическом смысле текста. Многие отмечали смешанные чувства, появившиеся у них после прочтения стихотворения, неопределенность, непонятность смысла. В качестве примера приведем несколько точных и глубоких ответов на вопрос «О чем это стихотворение?»: «Для меня это стихотворение олицетворяет весь спектр чувств, которые испытывает женщина, которая ждет. Возможно, это сын или муж, просто близкий человек. Это стихотворение как нельзя лучше позволяет

почувствовать тот момент, когда получаешь благую весть о том, что любимый жив и здоров, как радость и счастье может полностью захлестнуть»; «Стихотворение о непредсказуемости человеческой судьбы»; «Главная мысль – жив». Действительно, стихотворение М. Цветаевой «Жив и здоров!» представляет собой концентрацию эмоций, чувств, сливающихся одно с другим и выражающих одну общую, главную мысль – «жив».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что использование метода эксперимента в изучении текста и его смысла открывает перед исследователем «новые перспективы филологических исследований художественной речи» [10, с. 33]. Это связано со спецификой художественной речи, которая «отличается образностью, т. е. способностью вызывать в сознании читателя цепь ассоциаций и представлений о явлениях действительности» [10, с. 33]. Важным здесь является тот факт, что «эксперименты, основанные на показаниях языкового сознания носителей языка, отвечают целям и задачам филологии, основной проблемой которой является проблема понимания» [10, с. 33]. Обращаясь к показаниям языкового сознания носителей живого языка, культуры, исследователь получает возможность проверять свои гипотезы, что усиливает достоверность результатов исследования.

Список литературы

1. Спиркин А. Г. Философия: учебник. М.: Гардарики, 2002. 736 с.
2. Карпенко С. М. Ассоциативные связи слова в узусе и поэтическом тексте (на материале творчества Н. С. Гумилева): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2000. 26 с.
3. Болотнов А. В. Вербализация концепта хаос в поэтическом дискурсе Серебряного века (на материале творчества М. И. Цветаевой, М. А. Волошина, О. Э. Мандельштама): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. 26 с.
4. Васильева А. А. Лексический аспект ассоциативного развертывания поэтических текстов О. Э. Мандельштама: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 30 с.
5. Болотнова Н. С. О соотношении прагмем и информем в поэтическом тексте как форме коммуникации (по данным экспериментов) // Художественный текст и языковая личность: проблема изучения и обучения: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (11–12 октября 2001 г.). Томск: Изд-во ТГПУ, 2001. С. 16–28.
6. Болотнова Н. С., Бабенко И. И., Васильева А. А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. Томск: Изд-во ТГПУ, 2001. 331 с.
7. Болотнова Н. С. О связи регулятивной и концептуальной структур поэтического текста // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2006. Вып. 5 (56). С. 108–113.
8. Библия. Книги Священного Писания. Ветхого и Нового Завета. М., 2009. 1371 с.
9. Глухов В. П. Основы психолингвистики: учеб. пособие для студентов педвузов. М.: АСТ: Астрель, 2005. 351 с.
10. Болотнова Н. С. Использование эксперимента в коммуникативной стилистике текста // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2010. Вып. 6 (96). С. 33–38.

Кабанина О. Л., аспирант.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: olga260389@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 19.01.2015.

О. Л. Кабанина

PILOT STUDY OF EFFECT OF THE DECEIVED EXPECTATION AS REGULATORY DOMINANT IN THE POETIC TEXT

The article considers the possibility of using the heuristic method of experiment in linguistics, based on the testimony of informants of linguistic consciousness. On the example of the linguistic experiment carried-out by the author on material of the poem of M. I. Tsvetaeva "Safe and sound!" with participation of more than 60 informants of different age and occupation is clearly demonstrated the potential of this method in studying of the effect of the deceived expectation as regulatory dominant of the poem, significant for cognitive activity of readers. The author consistently described the stages of which the linguistic experiment consisted, proposed and analysed the data obtained in the form of answers of informants to the questions posed and the offered tasks, illustrating regulatory opportunities of the deceived expectation as the basic type of promotion in the general semantic expansion of the studied poetic text as communication forms.

Key words: *experimental method, regulatory function of the text, regulatory capacity, regulatory dominant, deceived expectations.*

References

1. Spirkin A. G. *Filosofiya: uchebnik* [Philosophy: textbook]. Moscow, Gardariki Publ., 2002. 736 p. (in Russian).
2. Karpenko S. M. *Assotsiativnye svyazi slova v uzuse i poeticheskom tekste (na materiale tvorchestva N. S. Gumileva)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Associative communications of the word in usage and the poetic text (on material of creativity of N. S. Gumilev). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Tomsk, 2000. 26 p. (in Russian).
3. Bolotnov A. V. *Verbalizatsiya kontsepta khaos v poeticheskom diskurse serebryanogo veka (na materiale tvorchestva M. I. Tsvetaevoy, M. A. Voloshina, O. E. Mandel'shtama)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Verbalization of concept chaos in a poetic discourse of silver age (on material of creativity of M. I. Tsvetaeva, M. A. Voloshin, O. E. Mandelstam). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Tomsk, 2009. 26 p. (in Russian).
4. Vasil'eva A. A. *Leksicheskiy aspekt assotsiativnogo razvertyvaniya poeticheskikh tekstov O. E. Mandel'shtama*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Lexical aspect of associative expansion of poetic texts of O. E. Mandelstam. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Tomsk, 2004. 30 p. (in Russian).
5. Bolotnova N. S. O sootnoshenii pragmem i informem v poeticheskom tekste kak forme kommunikatsii (po dannym eksperimentov) [About a ratio pragmy and informy in the poetic text as to a communication form (according to experiments)]. *Hudozhestvennyy tekst i yazykovaya lichnost': problema izucheniya i obucheniya: materialy II Vseros. nauch.-prakt. konf. (11–12 oktyabrya 2001 g.)* [Art text and language personality: problem of studying and training: Materials II of All-Russian theoretical and practical conference (on October 11–12, 2001)]. Tomsk, TSPU Publ., 2001. Pp. 16–28 (in Russian).
6. Bolotnova N. S., Babenko I. I., Vasil'eva A. A. et al. *Kommunikativnaya stilistika khudozhestvennogo teksta: leksicheskaya struktura i idiosstil'* [The communicative style of a literary text: the lexical structure and idiosstyle]. Tomsk, TSPU Publ., 2001. 331 p. (in Russian).
7. Bolotnova N. S. O svyazi regul'yativnoy i kontseptual'noy struktur poeticheskogo teksta [About communication of regulatory and conceptual structures of the poetic text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2006, vol. 5 (56), pp. 108–113 (in Russian).
8. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya. Vetkhogo i Novogo Zaveta* [Bible. Books of the Scriptus. Old and New testament]. Moscow, 2009. 1371 p. (in Russian).
9. Glukhov V. P. *Osnovy psikholingvistiki: ucheb. posobiye dlya studentov pedvuzov* [Fundamentals of psycholinguistics: tutorial for students of teacher training Universities]. Moscow, AST, Astrel' Publ., 2005. 351 p. (in Russian).
10. Bolotnova N. S. Ispol'zovanie ehksperimenta v kommunikativnoy stilistike teksta [Use of experiment in communicative stylistics of the text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2010, vol. 6 (96), pp. 33–38 (in Russian).

Kabanina O. L.

Tomsk State Pedagogical University.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: olga260389@yandex.ru